DOI: 10.17976/jpps/2022.02.05

CHANGE.ORG КАК ФОРМА "СЛУЧАЙНОЙ ПОЛИТИКИ": АНАЛИЗ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПЕТИЦИЙ

Е.А. Иваненко

ИВАНЕНКО Елена Анатольевна, научный сотрудник Лаборатории философской антропологии жертвы; редактор проекта "Философская Самара", Самара, email: iv@webvertex.ru

Иваненко Е.А. 2022. Change.org как форма "случайной политики": анализ русскоязычных петиций. *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 52-67. https://doi.org/10.17976/2022.02.05

Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ № 19 011 00872 "Философская антропология жертвы: сакрализация, управление, дизайн".

Статья поступила в редакцию: 09.11.2020. Принята к публикации: 16.03.2021

Аннотация. Исследование представляет собой эмпирический анализ петиций на Change.org как характерного инструмента цифрового гражданского активизма. Данные собраны за весь период существования платформы в России с 2012 г. по 2020 г. включительно; всего обработано 27 259 петиций на русском языке. В качестве теоретической оптики в статье предлагается использовать концептуальный аппарат философской антропологии жертвы и рассмотреть специфику работы Change.org как способ взаимодействия граждан с виктимизированными объектами социальной действительности, включив таким образом действие цифровых петиций в пространство экономики жертвы. Обнаруженное сходство между виктимогенными категориями культурной виктимологии и ключевыми темами петиций Change.org позволяет утверждать, что цифровые петиции маркируют зоны, восприимчивые к конструкту жертвы, понятому предельно широко как социальная асимметрия, построенная на уязвимости и требующая децентрализованного коллективного решения о справедливости/несправедливости. Децентрализованная горизонтальная структура цифрового активизма проблематизируется через понятия "случайные политики" и "слактивизм", а сопутствующий тип гражданской ответственности определяется с помощью концепта "театр солидарности". Проведенная работа с базой данных позволила определить петиции, сопровождаемые общественным резонансом, собрать их характеристики и получить общую картину динамики цифрового гражданского активизма в России по годам. В целом исследование вносит вклад в тематизацию нового знания в двух областях: в области теории политического цифрового участия и в области философской антропологии жертвы.

Ключевые слова: электронные петиции, Change.org, случайные политики, слактивизм, жертва, виктимизированная идентичность, активизм 2.0, театр солидарности, политики жалости, справедливость, экономика жертвы.

"*На Change.org абсолютно у каждого есть возможность сделать мир лучше. А что бы вы хотели изменить?*" – такой текст можно увидеть в конце рассылки электронных сообщений от негосударственной платформы электронных голосований *Change.org*. С некоторых пор "абсолютно у каждого" появилась возможность вступить в игру глобального масштаба на поле политики, экономики, права и прочих основополагающих конструкций современного гражданского общества, причем правила игры допускают участие в формате "подписать в один клик". Возникает вопрос о природе платформы *Change.org*

как инструмента, позволяющего оперировать столь сложными вещами так легко. Очевидно, что за означенной легкостью стоят сложные экосистемы глобализма в сумме с принципами неолиберальной демократии, помноженные на посткапитализм, и результированные новой формой идентичности, выраженной в словосочетании "абсолютно каждый". Однако за годы присутствия *Change.org* в России (с 2012 г.) возможность проявления гражданской ответственности в "один клик" стала восприниматься нами как данность. Тем более что функции платформы даже не уникальны, поскольку выступают как характерное проявление цифровой гражданской активности (цифровой демократии), свойственной современному обществу благодаря техническим возможностям социальных сетей и гибридных медиасистем.

Способы реализации цифрового гражданского активизма множественны и легко доступны (только в России несколько специализированных платформ голосования). Вместе с доступностью как данность воспринимаются специфические коды справедливости/несправедливости, не совпадающие полностью с институализированными формами права, а порой и вовсе опирающиеся на негласные правила консолидированного общественного мнения (напомним, что *Change.org* позиционируется как негосударственная платформа). Основой консолидации и точкой приложения корректирующих сил цифровой гражданской активности оказывается наличие *жертвы*, понятой очень широко как некий субъект (или объект), понесший урон. Примечательно, что в рамках цифрового активизма способы восстановления справедливости довольно однообразны (сделать репост, подписать в один клик) и носят универсальный характер. Акцент на универсальности особенно заметен у изучаемой нами платформы, официальный статус которой звучит как "глобальная платформа для ваших кампаний". Мы полагаем, что жертва, обнаруживаемая в петициях *Change.org*, всякий раз является неким специфическим конструктом, создаваемым с помощью средств цифрового активизма и отвечающим запросам общества. На фоне претензии *Change.org* на глобальность конструкта жертвы и универсальность способов взаимодействия с ним кажется весьма уместным вопрос о переосмыслении социокультурных и антропологических парадигм, проявляющихся в рамках цифрового активизма. Суть вопроса мы пока точечно обозначим через понятия *случайные политики* (*casual politics*) и *слактивизм* (*slacktivism*): в самом общем виде они могут быть поняты как критика новой (цифровой) формы гражданской активности, где *удовлетворенность* самого активиста от пассивной причастности "в один клик" к решению того или иного острософиального вопроса становится важнее непосредственной деятельности и порой даже важнее самого решения. Аффект удовлетворенности в данном контексте имеет особые черты и лежит в основе публичной консолидации, которая будет раскрыта через понятие *театр солидарности*. Мы подвергнем анализу вполне определенный способ взаимодействия с виктимизированными объектами социальной действительности, а именно работу цифровых петиций негосударственной платформы *Change.org* на территории России.

Главный тезис данного исследования можно сформулировать следующим образом: темы популярных петиций на *Change.org* маркируют социальные зоны, восприимчивые к конструкту жертвы, понятого как точка консолидации общества и опирающегося на внеинституциональное производство

идей справедливости. Чем выше общественный резонанс, произведенный петицией в рамках *Change.org*, тем точнее можно определить виктимогенность (т.е. повышенную вероятность возникновения новых конструктов жертв) соответствующей ей зоны социального пространства. Цель исследования – определить на материале русскоязычных петиций динамику восприимчивости к конструкту жертвы как точки приложения корректирующих сил цифровой гражданской активности в российском обществе; выявить зоны общественных вопросов, где работа с конструктом жертвы строится с помощью *случайной политики* и обнаруживается в границах *театра солидарности*. Также не менее важным будет обнаружение смыслов от обратного: какие зоны общественных вопросов не затронуты общественным резонансом в рамках *Change.org* или затронуты незначительно. Задача эмпирического анализа состоит в вычленении резонансных петиций и получении общей картины сопутствующих им характеристик.

Структура статьи состоит из следующих смысловых блоков. Первым шагом мы определим философскую антропологию жертвы в качестве общего теоретического поля и продемонстрируем методологические основания включения исследования платформы *Change.org* в данное поле. Центральным понятием на этом этапе станет *виктимизированная идентичность*.

Чтобы точнее обозначить теоретический горизонт нашего исследования цифровой деятельности *Change.org*, рассмотрим концепцию *активизм 2.0*, развернув ее значение через два смысловых уровня: *горизонтальность* и *тягу к социальным преобразованиям*. Для каждого из уровней мы приведем научный контекст, продемонстрировав генеалогию смыслов, принципиальных для цифрового активизма. Это позволит сделать шаг к пониманию новой антропологической разметки, лежащей в основе феноменов цифровой политической консолидации и мобилизации.

Следующим шагом проанализируем понятия *слактивизм* и *случайные политики* с помощью концепции *театр солидарности*, объясняющей взаимодействия общества и виктимизированного объекта (страдающей жертвы) при опосредовании медиа.

С полученным арсеналом обратимся к эмпирическим результатам исследования, чтобы проиллюстрировать предложенные в статье теоретические положения и определить специфику работы платформы *Change.org* на территории России.

В итоговой части статьи мы еще раз опишем взаимосвязь между ключевыми концептами и наметим открытую перспективу дальнейшей работы в направлении экономики жертвы.

Платформа Change.org и новые рубежи виктимизации

Исходная точка нашего исследовательского интереса расположена в пространстве философской антропологии жертвы, теоретическим аппаратом которой мы планируем воспользоваться для работы со сложным конструктом жертвы в аспекте цифрового активизма. Философская антропология жертвы – это молодое "междисциплинарное поле исследования, которое позволяет работать с современной проблематикой жертвы во всей ее неоднозначности" [Философская антропология жертвы... 2017: 3] и "ставить вопросы не в чисто метафизической перспективе... а в перспективе конкретного

культурного, социального опыта, который требует осмысления" [там же]. Методологическая оптика философской антропологии жертвы опирается на комплексный подход к изучению жертвы, поскольку "различные аспекты феномена жертвы существенным образом перекликаются и не могут быть рассмотрены в отрыве друг от друга. В самом деле, трудно говорить об экономике жертвы, не затрагивая антропологических констант, или поднимать вопрос о жертве в политическом горизонте, не вовлекая в сферу рассмотрения медиальные конструкции" [там же: 7]. Таким образом, теоретический аппарат философской антропологии жертвы вбирает в себя ряд концептов и понятий из философской антропологии, социальной этики, политической философии, критической социальной теории, теории медиа, теоретической экономики, виктимологии. Актуальность и результативность междисциплинарной методологии в вопросах, связанных с проблематикой жертвы, подтверждается тем фактом, что в мировой научной среде независимо друг от друга развиваются сходные дисциплины, объединяющие различные теоретические оптики. В качестве примера можно привести *культурную виктимологию* – молодую науку, изучающую способы репрезентации *жертвы* (*victim*) в современной культуре [Hoondert, Mutsaers, Arfman 2018: 2].

Примечательно, что ключевые группы петиций, обозначенные на главной странице платформы *Change.org* как "Темы", практически полностью совпадают с виктимогенными категориями в поле культурной виктимологии. Области формирования жертв, определяемые в рамках данной науки, включают как традиционные категории (войны, политические режимы, исправительные лагеря, угнетение и преступления) [Mendelsohn 1976], так и новые маргинальные зоны (экологическое загрязнение, внутренние и частные вооруженные конфликты), а также свежеоткрытые территории виктимизации, обозначенные в расовых и (пост)колониальных исследованиях, исследованиях миграционного контроля, исследованиях неолиберального наказания и этнографии политического насилия. Подобные новые рубежи виктимизации еще плохо тематизируются и нередко обозначаются в целом как *социальная асимметрия*. Что касается платформы *Change.org*, то сама ее идея и функционал, по сути, предполагают возможность исправления социальной асимметрии в различных сферах человеческой деятельности. По состоянию на 2020 г. ключевые темы петиций *Change.org* таковы: *коронавирус*[1]*, здоровье, права женщин, правосудие, права животных, экономическая справедливость, культура, семья, права человека, права ЛГБТ, образование, права мигрантов, окружающая среда* (эти темы указаны на главной странице). Такое сходство можно объяснить общими культурными корнями идеологии *Change.org* и исследовательского пафоса культурной виктимологии, но, тем не менее, мы предполагаем, что между этими двумя системами категорий объектов социальной действительности есть достаточная дистанция, очень удобная для обоюдной проблематизации.

Кроме того, связь между пространством современной виктимологии и полем действия цифровых петиций прочитывается в представлении о *субъекте* социальной асимметрии. Субъектный контур конструкта жертвы в викти-

[1] Тема *коронавирус* была исключена из анализа по причине недавнего появления среди общего списка тем на главной странице платформы; петиции по этой теме классифицировались по дополнительным тематическим тегам, указанным создателями петиции (здоровье, экономическая справедливость, права человека и т.п.).

мологии пересматривается в сторону эклектичности – в качестве жертвы сегодня опознаются не только человек или группы людей, но и биогенные и антропогенные объекты и процессы, которые таким образом встраиваются в алгоритмы правовой и этической ответственности. То же обнаруживаем и на страницах петиций *Change.org*: в качестве субъекта, понесшего урон от причиняемой несправедливости, может быть водоем, парковая зона, образовательные традиции и тому подобное. Ключевой элемент подобной субъектности – *уязвимость* (*vulnerability*), т.е. возможность быть ранимым и обнаруживать *виктимизированную идентичность* (*victimized identity*), – широко обсуждается в феминистических и социальных исследованиях [Brunilla, Rossi 2017]. Виктимизированная идентичность предполагает отождествление с некой группой, поскольку права группы несоизмеримы с правами индивида. Причем исходным носителем идентичности не обязательно является человек – в качестве примера можно привести хештег *#я/мы_толстый_кот* в качестве коллективной идентификации с протестом против ограничительных мер Аэрофлота на перевозку животных. Данный тренд к экспансии субъектного контура конструкта жертвы в сторону множественности и коллективности и одновременном его перестраивании в сторону уязвимости видится нам чрезвычайно показательным симптомом, свидетельствующим о развитии нового смыслового пространства, опирающегося на аффективное и этическое значение конструкта жертвы, понятого как социальная асимметрия. Работа платформы *Change.org* располагается как раз в этом пространстве, способствуя проникновению в экономическое, политическое и культурное поля значений из лексикона виктимологии: жертва, насилие, вина, права, компенсация, несправедливость, социальная асимметрия.

С помощью инструментов *Change.org* обнаруживаются и конструируются виктимизированные объекты социальной действительности, т.е. такие объекты, к которым могут быть применены механизмы правовой и этической ответственности. Суммируя, можно сказать, что петиции в своем подавляющем большинстве опираются на алгоритмы работы с виктимным, даже если сама петиция напрямую не содержит слова “жертва”. Данное утверждение было проверено нами экспериментально с помощью вероятностного классификатора (результаты см. ниже).

АКТИВИЗМ 2.0

Логика действия цифровых петиций укладывается в устоявшуюся в последнее время социокультурную формацию, представляющую собой синтез гражданского активизма и информационных технологий. Результат такого синтеза описывается в научной литературе как многоуровневая структура [Georg, Leidner 2019], обобщаемая в понятии *активизм 2.0*, который, в отличие от гражданского активизма в традиционном понимании, “больше ориентирован на дебаты и акции, гораздо более горизонтален по своему устройству и сильнее нацелен на социальные преобразования” [Peña-López 2013: 345]. Чтобы точнее определить теоретический горизонт нашего исследования, рассмотрим подробнее такие маркеры цифровой гражданской активности, как *горизонтальность* и *тяга к социальным преобразованиям*.

С тех пор как общество заговорило на языке новых медиа, такой принцип организации социальных взаимодействий, как *горизонтальность,* фиксируется

во многих типах социальной активности и проблематизируется с помощью разных теоретических оптик. В качестве примеров можно привести исследования в области социальных наук, посвященные низовым инициативам мемориальных практик [Milosevic 2017], исследования культуры студенческих кампусов и глобальной *культуры виктимности* (*victimhood culture*) [Campbell, Manning 2018]. В правовом и этическом аспекте культуры виктимности описывается феномен *воинов социальной справедливости* (*social justice warriors*) [ibid.: 191], чья деятельность разворачивается в сетевом и околосетевом пространстве и направлена на внеинституциональное производство справедливости, по сути являясь знаком кризиса правового субъекта и вертикали власти. Данный кризис в целом вписывается в корпус вопросов о внутреннем конфликте глобализации, который описывается исследователями как непреодолимая разница в скоростях формирования "преступления и наказания" [Re, Shekhovat 2018: 60; Laverick 2016: 294]: в глобальном формате виктимные конструкции возникают быстро, а нормы по их регулированию сильно отстают. Отсюда и растущий вес решений, принимаемых пользователями в социальных сетях (эффект "моментального глобального жюри" [Munt 2016: 866]), и в разной степени серьезные попытки создать альтернативную версию абсолютного закона всемирной справедливости, реализуемые в конвергентных средах популярной культуры [Robson 2019]. Параллельно история вопроса о горизонтальности в общественных практиках прослеживается в исследованиях в области журналистики и описывается как кризис условий обмена информацией, в целом обозначаемый как *эпоха гражданской журналистики* [Bowman, Willis 2003] или *постжурналистика* [Ericson 1996]. Но особенно отчетливо горизонтальность как принцип социальных взаимодействий проблематизируется в области исследований медиа – на первый план выходят процессы самоорганизующихся сетевых систем, таких как *хайп*, пришедший на замену вертикальным структурам моральной паники и оказывающий огромное влияние на формирование сообществ и коллективной идентичности [Vasterman 2018; Иваненко 2020]. Хайп, кстати говоря, нередко (хотя и не всегда) сопровождает петиции с платформы *Change.org* – их сходство и внутренние корреляции еще только предстоит открыть и описать.

В качестве общего знаменателя в вопросе о горизонтальности в сфере цифровой гражданской активности можно принять теорию австралийского медиолога Акселя Бранса, который описал специфику пользовательской активности в сети с помощью концепта *produsage* [Bruns 2008]. Термин *produsage* (от *producing* – производство, и *usage* – использование) позволяет описывать одновременность, процессуальность и распределенность действий пользователей, фокусируя внимание на самореферентности как особом способе социального существования в цифровом пространстве [Pikone 2011: 99].

Теоретическая оптика *produsage,* примененная к способам взаимодействия общества с виктимизированными объектами социальной действительности, позволяет заметить, что принципиальной отличительной чертой конструкта жертвы насилия в гибридных медиасистемах является одновременное производство и потребление его всеми пользователями в качестве приоритетного контента. *Жертва* (понятая в данном случае предельно широко как некая вопиющая несправедливость и социальная асимметрия) конструируется внутри пользовательского интереса и при этом постоянно апробируется на актуаль-

ность, мерой которой выступает коллективный эмоциональный резонанс, распространяющийся в сети и служащий основой для децентрализованного коллективного принятия решений.

Что касается второго маркера цифровой гражданской активности, а именно *тяги к социальным преобразованиям*, то мы видим здесь очень важный смысловой горизонт, который ведет к фундаментальным вопросам о моральных императивах в современном обществе западного типа. Значимый этап в истории вопроса отмечен возникновением концепции *веры в справедливый мир* [Lerner 1980; Rubin, Peplau 1975], которая впоследствии стала одним из элементов фундамента для роста идей неолиберализма. В самых общих чертах концепция *веры в справедливый мир* предполагает, что мир осмыслен и, самое главное, управляем, а следовательно, лица, оказавшиеся жертвами, попросту заслужили страдания своими действиями. Критика подобной установки заключается в том, что желание справедливости в качестве когнитивной стратегии оказывается опасным, так как ведет не к справедливости, но к "подгонке" под справедливость. Дальнейшее мощное развитие этой концепции и ее последующее влияние в качестве прикладной методологии [Hafer, Sutton 2016] объясняются обилием вариаций идеи справедливости, присутствующих в культуре и эволюционирующих на протяжении последних пятидесяти лет. Политические, экономические, правовые, социальные и культурные алгоритмы справедливости пронизывают повседневные практики, создавая пространство смысловых координат. Конструкт жертвы, обнаруживаемый в данных координатах, обладает достаточно широким спектром вариаций (от *священной жертвы* в биополитическом аспекте до *позорной* в аспекте виктимблейминга), но в контексте нашего исследования примечательно то, что отношение общества к виктимизированному объекту в любом случае сопряжено с аффектом *удовлетворенности*. *Удовлетворенность* измеряет достаточность порицания для виноватой жертвы, и *удовлетворенность* же выступает в качестве универсальной меры справедливости выделенных жертвам компенсаций: "удовлетворенность – это мера гражданского взаимодействия с авторитетной оценкой представителя власти" [Holder 2014: 185]. Это связано с особым – привилегированным – положением жертвы в системе биополитически ориентированного общества: всякий раз пострадавшая жертва обозначает собой сбой в работе системы и в качестве такового плохо укладывается в системную оценку, вовлекая дополнительные аффективные способы измерения.

Подобная устойчивая корреляция также прослеживается в работе петиций *Change.org*: статус "победа" присваивается петиции произвольно в зависимости от *удовлетворенности* автора результатами голосования и произведенным эффектом. Как пишет в своем детальном исследовании платформы Надежда Радина, "признание 'победы' петиции на данной негосударственной платформе определяется не числом голосов, а именно 'исполненностью', практическим эффектом, результативностью данного документа (следовательно, зависит от отзывчивости тех влиятельных групп/организаций, кому адресована петиция). Поэтому время от времени в 'победителях' оказываются петиции с умеренной или даже незначительной онлайн-поддержкой" [Радина 2019: 120]. На наш взгляд, петиции *Change.org* маркируют зоны общественных вопросов, совпадающие с описанным выше пространством координат, образованных идеями справедливости и аффектом удовлетворенности

и вписанные в целом в архитектуру виктимного. Реагировать на петиции *Change.org* – значит подчиняться императивам (политическим, этическим, правовым), сопутствующим конструкту жертвы. Это позволяет объяснить, почему представители власти обращают внимание на петиции, не имеющие официального статуса: "Результаты голосования на данной онлайн-платформе не имеют юридической силы: представители власти вправе проигнорировать петиции *Change.org*, так как данная платформа собирает недостаточную информацию о голосующих" [там же: 116]. "Таким образом, 'исполненные петиции' *Change.org* – результат доброй воли представителей власти и бизнеса, которые по каким-либо причинам соглашаются с требованиями петиции и идут навстречу обращениям, получившим общественный резонанс" [там же: 120]. Здесь необходим дополнительный акцент на *общественный резонанс* как важнейший феномен для понимания сути цифровой гражданской активности: *общественный резонанс* демонстрирует коллективную идентичность, реализующуюся с помощью гибридных медиасистем, частью которых является *Change.org*: сама форма подачи и участия в акции самоценна и во многом может быть важнее текста петиции, так как формирует идентичность через действие, в котором видны элементы новой антропологической разметки, лежащей в основе феноменов цифровой консолидации и политической мобилизации. Подобное свойство вычленяется не только в границах *Change.org*, но характерно для всех гибридных медиасистем – например, к аналогичным выводам приходят исследователи платформы *Twitter*: "...сеть важнее текста. Сетевая позиция автора, ассоциируемая с его популярностью (в особенности – его популярностью среди популярных пользователей), играет гораздо более значимую роль для распространения твита, чем его содержательные характеристики" [Ахременко, Стукал, Петров 2020: 73].

Театр солидарности и случайные политики

Специфика общественного резонанса *активизма 2.0* может быть понята с помощью теоретического инструментария, предложенного медиологом Лили Чулиараки для исследования взаимодействия общества и виктимизированного объекта, при непременном медиаопосредовании. Речь идет о концепте *театр солидарности*. Театр солидарности предполагает, что публичная реакция общества на несправедливость сама по себе зрелище, причем обладающее этическими и социообразующими функциями. Публика театра солидарности возникает в результате "символического акта культурной идентичности" [Chouliaraki 2006: 12] и представляет собой "воображаемое сообщество Запада, обитающее в транснациональной зоне безопасности" и обеспечивающее "баланс между зонами безопасности и страдания" [ibid.: 10]. Данный концепт наследует модус действия театра в древнегреческих полисах, где коллективный аффект зрителей был одновременно эстетическим, этическим, социообразующим и политическим фактором. При этом концепт *театр солидарности* также проблематизирует саму медиацию, которая выступает как этическая и политическая величина [ibid.: 22]. Чулиараки предлагает понимать театр солидарности как часть актуальной архитектуры власти, выстроенной с помощью полярных значений *безопасности* и *страдания*, которые удерживают *асимметрию* как движущую силу экономических и политических преобразований [ibid.: 4]. Коллективный аффект вокруг виктимизированного объекта, по

мнению Чулиараки, можно описать с помощью аристотелевского понятия *фронесис*. Импульс фронесиса, укорененный в простом здравом смысле "что хорошо, что плохо для благой жизни", всякий раз производит знания, которые больше индивидуальных значений, но при этом не совпадает полностью со всеобщими [ibid.: 9], удерживая оба качества разом. Это позволяет Чулиараки сделать следующий шаг в сторону понимания современного общества как парадоксального пространства *глобальной интимности* [ibid.: 13], в котором приватное видно всем и всякий раз подлежит коллективной оценке на предмет асимметрии и чувства справедливости, понятого как всеобщий закон.

Внеинституциональное политическое участие, реализуемое с помощью платформы *Change.org*, в большинстве случаев является практикой театра солидарности. Как довольно новое и малоизученное явление такая активность вызывает немало непонимания и критики, которая в основном сводится к упрекам в слабости и поверхностности [Радина 2019: 115-116]. Даже научные термины, описывающие эту "слабую" активность, несут пренебрежительный оттенок: *случайные политики* (*casual politics*) и *слактивизм* (*slaktivism*).

Слактивизм – это англицизм, производный от сленгового слова *slaker*, означающего человека, поверхностно относящегося к свой работе, т.е. халтурщика. Сетевая деятельность, характерная для слактивизма, описывается также рядом других похожих терминов: *кликтивизм*, *кликактивизм*, *диванный активизм*. В целом слактивизм – это деятельность, направленная на участие в решении каких-либо проблем с помощью сетевых инструментов, причем среди таких инструментов могут быть как простые (репост, лайк, клик и тому подобные действия), так и сложные (создание и продвижение петиций, голосований). Негативная оценка слактивизма как "диванного активизма" связана с необязательностью действий и их простотой – подразумевается, что для решения социальных проблем необходимо "вставать с дивана". Позитивная интерпретация слактивизма может быть сведена к идее, что внешняя легкость и необязательность – лишь часть всего феномена в целом и системное рассмотрение функций, сопутствующих слактивизму, позволит получить более сложную картину социальных взаимодействий, которые уже состоялись как факт. Современное медиапространство никогда не бывает изолировано, представляя собой гибрид цифрового и городского (гражданского) пространств, и в таком ракурсе слактивизм предстает как обладающая потенциалом "новая форма политического участия" [Peña-López 2013: 351], основанная на понимании "свободы взаимодействия с системой" [ibid.: 343]. При этом даже подмечаемая критиками пассивность является системообразующей функцией – "пассивно" кликающие пользователи обеспечивают распространение и фильтрацию контента [ibid.: 346], создавая в реальном времени мэппинг той или иной темы [ibid.: 350]. Тема находится на виду, т.е. присутствует в новостной рассылке, распространяется в социальных сетях с помощью функции "поделиться" до тех пор, пока соответствует интересам общества и производит резонанс в общественном мнении. Постоянная проверка актуальности контента, осуществляемая с помощью слактивизма, позволяет определять границы коллективной идентичности (собственно говоря, "запуская" театр солидарности, где все единодушно настроенные граждане видны друг другу). Отсюда следует понимание ценности такой гражданской активности, как слактивизм: эти практики позволяют консолидироваться сообществу, задей-

ствуя принципы социального равенства в решении разных вопросов (*абсолютно у каждого есть возможность сделать мир лучше*).

Перевод английского термина *casual politics* на русский как *случайные политики,* на наш взгляд, неудачен, так как добавляет избыточно пренебрежительное значение, в то время как *casual* подразумевает, что перед нами *неформальная*, *повседневная* и только потому *случайная* политика. То есть она не *неважная*, а *уместная* к данному случаю, а значит – *актуальная*. Действия в рамках случайной политики, так же как и в слактивизме, разворачиваются на волне коллективного резонанса вокруг виктимизированного объекта, который каким-то образом смог принять на себя вес коллективной идентичности. Для этого в конструкте жертвы должны обнаруживаться определенные структуры, опознаваемые с достаточной легкостью: "жертва нуждается в точке идентификации с аудиторией" [Munt 2016: 14]. Здесь мы видим двойной потенциал анализа цифрового гражданского активизма в горизонте экономики жертвы: во-первых, потому что сам конструкт жертвы коммодифицируется и подпадает под логику производства/потребления (пусть и с поправкой на специфику *produsage*); во-вторых, потому что деятельность, осуществляемая в формате *активизм 2.0,* направлена на формирование статуса жертвы (поддержанной, защищенной, вызывающей общественный резонанс) как социального капитала. С определенной критической дистанции конструкт жертвы вполне вписывается в посткапиталистическую экономику, а гражданский активизм *Change.org* демонстрирует тенденцию к брендированию и маркетизации гуманитарных практик.

АНАЛИЗ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПЕТИЦИЙ НА CHANGE.ORG

Примем за отправную точку тезис Пенья Лопеса, что слактивизм – не периферийная общественная активность, но, напротив, часть нового цифрового инструментария политического участия, и потому слактивизм стоит расценивать как знак живых перемен в обществе [Peña-López 2013: 351]. Мы применим этот тезис к статистическим данным, собранным с русского сегмента платформы *Change.org*, и дополним его пониманием характера общественных изменений с учетом обнаруженных корреляций сферы *Change.org* и виктимологических сред.

Эмпирическая база для данного исследования собрана с негосударственной платформы петиций *Change.org* за весь период ее существования в России с 2012 г. по 2020 г. включительно (2020 г. представлен данными с января по август). Всего собрано и обработано 27 259 петиций на русском языке. Формирование базы осуществлялось с помощью российского программного обеспечения *Content Downloader X1*; на базе данного универсального парсера контента был создан специальный шаблон для парсинга петиций и дальнейшей загрузки в базу данных в виде таблиц *Exel*. Для каждой петиции были учтены следующие характеристики: *ID петиции, ID автора, Название, Дата создания, Статус, Количество голосов, Тематические теги № 1, № 2, № 3, № 4, Адресаты* и *Текст петиции.*

Далее была сделана выборка петиций, привлекших наибольшее количество проголосовавших, для чего была произвольно определена граница в 50 000 голосов. В отличие от исследования Н. Радиной, изучавшей корпус петиций со статусом "победа" [Радина 2019], мы делаем акцент на популярности темы петиции. Это делается для того, чтобы определить тип виктимизированных объ-

ектов социальной действительности, вызывающий наиболее широкий отклик, а значит – обладающий наиболее общими и узнаваемыми характеристиками.

Сортировка петиций по годам и последующая поэтапная фильтрация позволили получить следующие результаты.

Количество петиций, ежегодно создаваемых на платформе *Change.org,* выросло – резкое увеличение их количества в 2018 г. показано на рис. 1. При этом количество петиций, набравших более 50 000 голосов, напротив, в процентном соотношении существенно снизилось (см. рис. 2). Среднее количество голосов, приходящихся на одну петицию, также сократилось (см. рис. 3).

Рисунок 1 (Figure 1)

Общее количество русскоязычных петиций на Change.org по годам

Total number of Russian petitions on Change.org by year

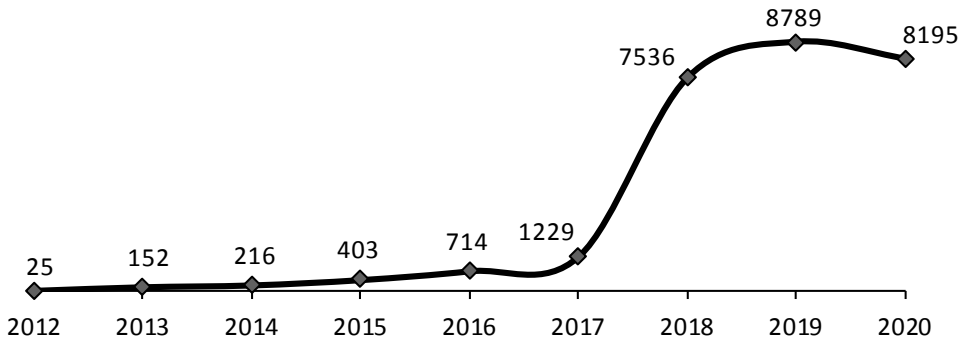
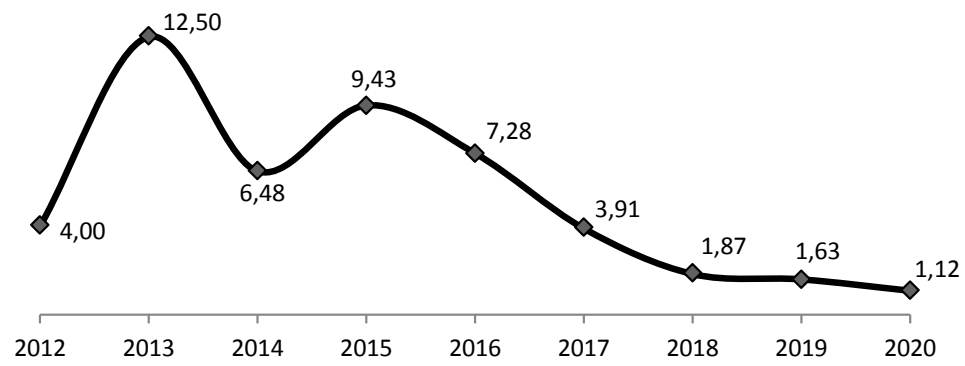


Рисунок 2 (Figure 2)

Процентное соотношение общего количества петиций в год и петиций, набравших более 50 000 голосов

The percentage of the total number of petitions per year and petitions with more than 50,000 votes



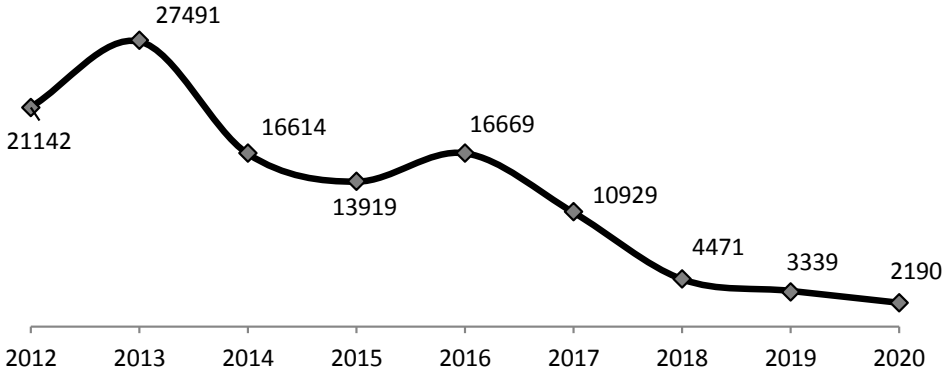
Эти данные говорят о возросшем внимании россиян к *Change.org* в целом и о более широком распределении активности проголосовавших по тематикам петиций. Подобная динамика укладывается в логику децентрализованного принятия решений, свойственного цифровой гражданской активности, понятой через призму культурной виктимологии: открытие новых типов виктимизиро-

ванных объектов социальной действительности дает почву для консолидации и дальнейшего развития общества. Интенсивность возникновения петиций в границах определенных тем свидетельствует о совпадении этических проекций российских граждан с императивами цифрового гражданского активизма; рост популярности говорит об ускоряющемся импорте смыслов из этого поля. Согласно полученным данным, следующие темы петиций демонстрируют рост популярности: *экономическая справедливость, права человека, здоровье, права животных, окружающая среда, правосудие*. Лидирует по сумме петиций тема *права животных* (88 петиций). В меньшей степени рост заметен по темам *политика, права женщин*. Темы *права ЛГБТ, культура, семья* не дают какой-либо четкой картины, и совершенно за границей широкого внимания к социальной асимметрии остается тема *права мигрантов* (см. табл. 1).

Рисунок 3 (Figure 3)

Среднее количество голосов на одну петицию Change.org по годам

Average number of votes per petition by year



Выше мы выдвинули утверждение, что петиции в своем подавляющем большинстве опираются на алгоритмы работы с виктимным, даже если сама петиция напрямую не содержит слова *жертва*. Для проверки этого утверждения и с целью определения характера петиции весь массив был подвергнут обработке с помощью *наивного байесовского классификатора*. Для этого вручную были выделены два ядра петиций: однозначно опирающихся на императивы защиты жертвы и прочие. Пример заголовков петиций первой группы: “Обеспечьте онкобольных россиян жизненно необходимым лекарством! Мы имеем право на жизнь!”, “Не дадим посадить/осудить Дарью Агений”, “Жаберные сети массово уничтожают дельфинов в Черном море! Просим введения моратория”. Во вторую группу попали петиции в основном неформального характера: “Я хочу чтобы 1 пара в МГУ длилась 1 минуту, а перемена – 1 час!”, “Хочу, чтобы навсегда кикнули артема назарьина”, петиции иронического и саркастического характера: “Требуем отправить Терешкову обратно в космос”, а также петиции из сферы досуга и развлечений: “Требуем переснять 8 сезон ‘Игры престолов’ с компетентными сценаристами”, “Хочу, чтобы уважаемый стример, Армен Бабаян (*Armenka*) вернул модеров на свой *Twitch* канал”. Строго говоря, петиции из второй группы также могут быть рассмотрены в поле виктимного и экономики жертвы, поскольку большинство из них апеллируют к социальной

несправедливости, но при этом содержание петиций включает слишком много неоднородных смысловых "шумов", мешающих систематизации. Полученный нами результат и так в достаточной мере подтверждает наш тезис: около 90% петиций ежегодно относятся к тематике виктимного (см. табл. 2).

Таблица 1 (Table 1)

Распределение по темам петиций, набравших более 50 000 голосов

Distribution by themes of petitions that received more than 50,000 votes

	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Количество петиций, набравших больше 50 000 голосов	1	19	14	38	52	48	141	143	92
Из них по темам:									
экономическая справедливость	0	0	0	3	3	3	7	6	14
политика	0	0	0	0	0	0	1	3	1
права человека	0	2	1	14	9	8	2	18	22
здоровье	0	3	1	5	4	0	0	18	14
образование	0	3	0	0	2	2	2	6	2
права животных	1	6	5	7	17	7	15	19	11
окружающая среда	0	2	0	2	2	4	7	15	7
правосудие	0	0	3	2	7	5	25	2	8
права ЛГБТ	0	0	0	0	0	1	0	0	2
права женщин	0	0	1	0	1	1	9	3	1
культура	0	0	1	2	1	0	3	1	1
семья	0	0	3	0	1	0	6	0	0

Таблица 2 (Figure 2)

Количество петиций, относящихся к тематике виктимного

Number of petitions related to victimization

Год	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Количество тематических петиций	22	142	194	367	635	1109	6877	7975	7604
Процент от общего количества петиций, %	88	93	90	91	89	90	91	91	93

ВЫВОДЫ

Цифровые петиции негосударственной платформы голосования *Change.org* демонстрируют новый тип гражданской ответственности, в целом обозначаемый понятиями *случайные политики* и *слактивизм*, когда "*абсолютно у каждого есть возможность сделать мир лучше*", руководствуясь коллективной реакцией сообщества. "В этом смысле слактивизм не так важен по отношению к отправителю – тому, что сделал клик, – насколько важен по отношению к получателю" [Peña-López 2013: 347]. "Абсолютно каждый" изменяет мир,

выправляя социальную асимметрию с помощью коллективно проверяемой версии справедливости в режиме *активизм 2.0*.

Таким образом, *случайные политики* и *слактивизм,* понятые через призму философской антропологии жертвы, могут быть интерпретированы как способы конструирования новой коллективной идентичности, ориентированной на уязвимость, руководствующейся моральными императивами справедливости и реализуемой горизонтально в медиапространстве. Открытие *уязвимости* как потенциала жертвы в определенных зонах социокультурного пространства в России говорит о специфическом устройстве этих зон и их ориентации на глобализм как важную смысловую доминанту. Петиции на *Change.org*, являющиеся формой случайной политики, в совокупности обозначают границы восприимчивости к конструкту жертвы, расположенному вне прямого институционального влияния и выявляемому изнутри общества с помощью аффективного резонанса *театра солидарности*. Консолидирующий аффект строится и аккумулируется с помощью идей справедливости/несправедливости, которые в пределе позволяют сообществу развиваться в сторону коллективной идентичности, регламентируемой состоянием удовлетворенности.

Анализ больших данных, полученных с русского сегмента платформы *Change.org*, позволяет увидеть динамику изменений и характер цифровой гражданской ответственности в России. Петиции, набравшие больше 50 000 голосов, отмечают социальные зоны, в которых наилучшим образом выполняются функции консолидации. Конструкт жертвы (широко понятой как субъект или объект, понесший ущерб от несправедливости) встраивается в алгоритмы правовой и этической ответственности, которая возлагается не столько на субъекты власти, сколько на граждан и горожан в логике цифровой демократии.

Темы популярных петиций показывают, где в российских реалиях может быть обнаружена виктимизированная идентичность, где допустимо децентрализованное коллективное принятие решений и какие тренды намечаются: в частности, полное отсутствие темы *права мигрантов* среди популярных петиций говорит о том, что российское гражданское общество не находит возможности для консолидации вокруг подобных вопросов, в то время как тема *права женщин* постепенно появляется в поле общественного внимания.

Виктимизированная идентичность как социальная асимметрия, требующая корректировок с помощью инструментов случайной политики, может быть встроена в архитектуру экономики жертвы – альтернативной немонетарной экономики, позволяющей осуществлять манипуляции с социальным капиталом, который в достаточном количестве производится вокруг конструкта жертвы. Легко заметить, что консенсус в понимании социально чувствительных вопросов, решаемых с помощью мобилизации эмоций в обществе, достигается в категории *защиты животных* – стабильность этого консенсуса говорит о наличии легко вычленяемого в данной сфере конструкта жертвы, релевантного российской специфике *театра солидарности* и позволяющего наиболее безопасным образом использовать социальный капитал. Растущий интерес к темам *экономическая справедливость, права человека, здоровье, окружающая среда* и *правосудие* говорит о потенциале работы структур экономики жертвы в этих сферах. Подлежит дальнейшему исследованию анализ причин низкой популярности тем *семья*, культура, *права женщин*, *права ЛГБТ*, а также весьма интересен для исследования контраст уровней общественного резонанса вокруг темы *права мигрантов* в России и в мире.

На основании полученных результатов можно сделать вывод о разных типах конструкта жертвы, присутствующих в российском социальном пространстве – с помощью специфики *Change.org* видны виктимогенные области, определяемые в рамках цифрового гражданского активизма и не совпадающие с официальными этическими и правовыми нормами. Внеинституциональное производство справедливости в рамках работы *Change.org* свидетельствует о выработке новых ориентиров гражданского общества.

DOI: 10.17976/jpps/2022.02.05

CHANGE.ORG AS A FORM OF CASUAL POLITICS. ANALYSIS OF RUSSIAN-LANGUAGE PETITIONS

E.A. Ivanenko[1, 2]

[1] *Laboratory of Philosophical Anthropology of Victim. Samara, Russia*

[2] *Philosophical Samara Project. Samara, Russia*

IVANENKO, Elena Anatolievna, Researcher, Laboratory of Philosophical Anthropology; editor, Philosophical Samara Project. email: iv@webvertex.ru

Ivanenko, E.A. (2022). Change.org as a form of casual politics. Analysis of Russian-language petitions. *Polis. Political Studies,* 2, 52-67. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2022.02.05

Acknowledgements. The work was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the RFBR research project No. 19 011 00872 "Philosophical Anthropology of Victims: Sacralization, Management, Design".

Received: 09.11.2020. Accepted: 16.03.2021

Abstract. This article presents an empirical analysis of Change.org petitions as a typical tool of digital participation. The database of this study was collected from the Russian segment of the website Change.org between 2012 and 2020. A total of 27,259 petitions were processed, using the Content Downloader X1 software. Using the conceptual tools of the 'philosophical anthropology of the victim' as theoretical approach, this article considers the specifics of Change.org as a means of interaction between citizens and victimized objects of social reality, thus including the effect of e-petitions in the space of victim economic. The revealed similarities between categories of cultural victimology and the key themes of Change.org petitions suggest that e-petitions mark zones of the victim's structure, understood as social asymmetries built on *vulnerability* and requiring a decentralized collective decision about *justice*. The horizontal structure of e-participation is discussed through the concepts of *casual politics* and *slacktivism*, while the new type of civic responsibility is defined through the concept of *theater of solidarity*. Random politics and slacktivism can be interpreted as ways of constructing a new collective identity, oriented towards vulnerability, guided by the moral imperatives of justice and implemented horizontally in the media. The discovery of vulnerability as a victim's potential in certain areas of the socio-cultural space in Russia indicates that the specific structure of these areas and their greater orientation toward globalism are an important semantic dominant. The work done with the database allowed the authors to identify the petitions which had a high public resonance, collect their characteristics and obtain an overall view of the dynamics of digital activism in Russia over the years. In general, this study contributes to two areas of new knowledge – the theory of political digital participation and the philosophical anthropology of the victim.

Keywords: e-petitions, Change.org, casual politics, slactivism, victim, victimized identity, activism 2.0, theater of solidarity, politics of pity, justice, victim economics.

References

Bowman, S., & Willis, C. (2003). We media: how audiences are shaping the future of news and information. Reston, VA: The Media Center at the American Press Institute. https://www.hypergene.net/wemedia/download/we_media.pdf

Brunilla, K., & Rossi, L.-M. (2017). Identity Politics, the ethos of vulnerability, and education. *Education Philosophy and Theory*, 50(3), 287-298. http://dx.doi.org/10.1080/00131857.2017.1343115

Bruns, A. (2008). Distributed creativity: filesharing and produsage. In: S. Sonvilla-Weiss (Ed.), *Mashup Cultures* (pp. 24-37). Vienna: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-7091-0096-7_2

Campbell, B., & Manning, J. (2018). The rise of victimhood culture: microaggressions, safe spaces, and the new culture wars. Cham: Palgrave Macmillan.

Chouliaraki, L. (2006). The spectatorship of suffering. London: Sage Publishing.

Ericson, R.V. (1996). Defining the journalism situation: a study of post-journalism. *International Journal of Politics, Culture and Society*, 10(1), 211-219. https://www.jstor.org/stable/20019881

Georg, J., & Leidner, D. (2019). From clicktivism to hacktivism: understanding digital activism. – *Information and Organization*, 29(3), 100249. https://doi.org/10.1016/j.infoandorg.2019.04.001

Hafer, C., & Sutton, R. (2016). Belief in a just world. In C. Sabbagh, & M. Schmitt (Ed.), *Handbook of Social Justice Theory and Research* (pp. 145-160). New York: Springer.

Holder, R. (2014). Satisfied? exploring victims' justice judgements. *RegNet Research Paper,* 2014/28, 184-213. https://doi.org/10.2139/ssrn.2423140

Hoondert, M., Mutsaers, P., Arfman, W. (2018). Introduction: cultural practices of victimhood. In M. Hoondert, P. Mutsaers, W. Arfman (Ed.), *Cultural Practices of Victimhood* (pp. 1-16). London: Routledge.

Laverick, W. (2016). Global injustice and crime control. Abingdon: Routledge.

Lerner, M.J. (1980). The belief in a just world: a fundamental delusion. New York: Plenum Press.

Mendelsohn, B. (1976). Victimology and contemporary society's trends. *Victimology: An International Journal*, 1(1), 8-28.

Milosevic, A. (2017). Remembering the present: dealing with the memories of terrorism in Europe. *Journal of Terrorism Research, 8(2), 44-61.* https://doi.org/10.15664/jtr.1269

Munt, R. S. (2016). Argumentum ad misericordiam: the cultural politics of victim media. *Feminist Media Studies*, 17(5), 866-883. https://doi.org/10.1080/14680777.2016.1259176

Peña-López, I. (2013). Casual Politics: From Slacktivism to Emergent Movements and Pattern Recognition. In *Big Data: Challenges and Opportunities. Proceedings of the 9th International Conference on Internet, Law & Politics* (pp. 339-356). Barcelona: Huygens.

Pikone, I. (2011). Produsage as a form of self-publication. A qualitative study of casual news produsage. *New Review of Hypermedia and Multimedia*, 17(1), 99-120. https://doi.org/10.1080/13614568.2011.552643

Re, del, E., & Shekhovat, S. (2018). Crime and victimhood in globalizes world order. *Revisita di criminologia,* XII(3), 55-69.

Robson, P.W.G. (2019). Developments in revenge, justice and rape in the Cinema. *International Journal for the Semiotics of Law,* 34, 69-88. https://doi.org/10.1007/s11196-019-09614-7

Rubin, Z., & Peplau, L.A. (1975). Who believes in a just world? *Journal of Social Issues*, 31(3), 65-90. https://numerons.files.wordpress.com/2012/04/who-believes-in-a-just-world-harvard.pdf

Vasterman, P. (Ed.) (2018). From media hype to Twitter storm. News explosions and their impact on issues, crises, and public opinion. Amsterdam: Amsterdam University Press.

Akhremenko, A.S., Stukal, D.K., & Petrov, A.P. (2020). Network vs message in protest diffusion on social media: theoretical and data analytics perspectives. *Polis. Political Studies*, 2, 73-91. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.06

Ivanenko, E.A. (2020). Hype: production and consumption of affect by the collective body. *International philological journal MIRGOROD*, 1, 254-1291. (In Russ.)

Koretskaya, M.A. (Ed.) (2017). The philosophical anthropology of victim: from archaic roots to contemporary contexts. Materials of the All-Russian conference with foreign participation. Samara. (In Russ.)

Radina, N.K., Krupnaya, D.A. (2019). Digital policy participation: efficiency of e-petitions of non-state digital platforms (based on the material of Change.org). *Polis. Political Studies*, 6, 113-127. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2019.06.09

Литература на русском языке

Ахременко А.С., Стукал Д.К., Петров А.П. 2020. Сеть или текст? Факторы распространения протеста в социальных медиа: теория и анализ данных. *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 73-91. https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.06

Иваненко Е.А. 2020. Хайп: производство и потребление аффекта коллективным телом. *Международный филологический журнал МИРГОРОД*. № 1. С. 254-291.

Радина Н.К., Крупная Д.А. 2019. Цифровое политическое участие: эффективность электронных петиций негосударственных онлайн-платформ (на материале Change.org). *Полис. Политические исследования*. № 6. С. 113-127. https://doi.org/10.17976/jpps/2019.06.09

Философская антропология жертвы: от архаических корней к современным контекстам. Материалы всероссийской конференции с иностранным участием. 2017. Под ред. М.А. Корецкой. Самара.